

Сетевые тролли, нанятые пиар-агентством, вовсе не были дешёвыми фрилансерами из гигантских чатов подработок, строчащими отзывы за копейки. На сей раз за дело взялись профессионалы — штатные специалисты на окладе. В их ведении находилось несколько мелких развлекательных пабликов, а уж в манипулировании общественным мнением они собаку съели. Каждый управлял парой-тройкой аккаунтов. Внедряясь в оба фан-клуба, они искусно притворялись случайными прохожими.

Их задача заключалась в том, чтобы создать нужную иллюзию — не для какой-то конкретной группы, а для любого, кому попадались на глаза их посты. Так они планомерно формировали общественное мнение.

Начало кампании выдалось на редкость удачным, ведь вектор пиара клонился в пользу Линь Ханя. Его преданные обожатели возражать не стали, а самые благоразумные просто предпочли остаться в стороне. У Дуань Цунчжи же сторонников пока было кот наплакал, да и объединились они совсем недавно. Полноценного фандома в привычном понимании они ещё не образовали — неопытные, наивные, они легко поддавались на любые провокации.

Поначалу всё шло как по маслу, но в самый последний момент кампания с треском провалилась.

Этот так называемый «Глобальный фан-клуб» выглядел как полнейший балаган. Какой уважающий себя фандом припишет к названию слово «настоящий»? Чтобы не путать с подделками, что ли?

Пиарщикам оставалось лишь недоумевать и продолжать работу. Но сторонники Дуань Цунчжи, кажется, быстро раскусили уловку. Они держались вежливо, однако былого замешательства в их рядах уже не наблюдалось.

С общественным мнением всегда так: стоит людям насторожиться, и водить их за нос становится куда труднее.

Впрочем, Сюэ Пина куда больше волновало отношение рядовых обывателей, а не фанатов. Ситуация не вышла из-под контроля, а значит, тратить силы на экстренный пиар не имело смысла. У него в рукаве имелся козырь, в успехе которого он не сомневался. Зачем суетиться сейчас, если можно дать слухам созреть, а затем одним махом перевернуть игру?

Сюэ Пин крутился в шоу-бизнесе больше двадцати лет. Нынешняя мода на «айدолов» и искусственно раздутую популярность пришла в страну лишь недавно.

Будучи авторитетным агентством старой закалки, «Чуанши» не стремилась заигрывать с сомнительными трендами. Пока конкуренты штамповали реалити-шоу и искали таланты-однодневки, компания методично вкладывала деньги в качественные сериалы. Их подопечные были профессиональными актёрами, прокладывающими путь упорным трудом, а не дешёвым пиаром.

Отдел по связям с общественностью в «Чуанши» не знал той суматохи, что творилась у конкурентов. Впрочем, теперь всё могло измениться. Контракт с Дуань Цунчжи стал для агентства своего рода экспериментом.

Личная команда актёра ещё не была сформирована, поэтому Сюэ Пин в одиночку тащил весь груз: искал новые роли и подбирал персонал. Главной заботой сейчас оставался личный помощник, но найти надёжного кандидата оказалось задачей не из лёгких.

Сам Дуань Цунчжи тем временем увлечённо корпел над текстом в заметках телефона. Несколько раз перечитав написанное и убедившись, что ничем себя не выдаст, он скопировал текст и отправил главе фан-клуба. Тот без изменений опубликовал обращение в Вэйбо.

Проведя около получаса на фанатском форуме и убедившись, что его верные сторонники готовы стоять за него горой, Дуань Цунчжи со спокойной душой отложил телефон и вернулся к сценарию.

Вскоре прояснилось, какой именно козырь приготовил менеджер. Сюэ Пин прислал ему электронную версию сценария и велел готовиться к пробам.

— Линь Хань тоже там будет, — лаконично добавил он.

Прослушивание проводилось во вторую часть франшизы «Вопрос к мечу». Линь Хань метил на ту же роль, что и Дуань Цунчжи — Младшего шишу, который во второй части становился вторым ключевым персонажем.

— Проект внутренний, — предупредил Сюэ Пин. — Если уступишь роль Линь Ханю, о новых съёмках в ближайший год можете забыть. Запру тебя в офисе, будешь целыми днями учить актёрское мастерство.

Сериал полностью финансировался «Чуанши». И хотя отбор объявили открытым, все прекрасно понимали: приоритет отдадут своим. Главную роль уже заочно закрепили за ведущим актёром агентства, благодаря чему Дуань Цунчжи и получил на руки полную версию сценария.

Бегло ознакомившись с сюжетом, Цунчжи выяснил, что действие сиквела разворачивается спустя двенадцать лет после событий первой части. Предыдущий Владыка меча вернул клинок и ушёл на покой, а его преемником стал Младший шишу, монах Учэнь — самый молодой защитник меча за всю историю ордена.

В Поместье Почитания Меча веками свято чтили традицию: священный клинок давали лишь на время. Тот, кому выпадала честь обнажить его, на пять лет провозглашался Владыкой меча. В этот период все обитатели поместья, за исключением самого Хранителя, переходили в его полное подчинение.

Чтобы удостоиться этого титула, претендент должен был перенять у Хранителя древнее искусство фехтования, а затем превзойти учителя в честном поединке. Обычно между ними завязывалась крепкая дружба. Предыдущий Владыка меча, человек прямодушный и простой, искренне почитал наставника, заодно признав своим Младшим шишу юношу, который был гораздо моложе него самого.

Все прежние Хранители отличались феноменальным мастерством, и одолеть их за короткий срок казалось задачей невыполнимой. Поговаривали, что претенденты получали титул лишь потому, что защитники клинка поддавались им в решающем бою.

Впрочем, испытание клинком прежде всего обнажало душу — истинный экзамен лежал далеко за пределами чистой силы.

Конфликт второй части закручивался вокруг нового героя по имени Ци Ван. Обладая выдающимся талантом, он сразу вызвал у Учэня предчувствие беды: монах с первого взгляда понял, что этому человеку клинок доверять нельзя.

Целый год они провели под одной крышей: один упорно обучал, другой жадно перенимал опыт. Оба гения оттачивали мастерство, превосходя самих себя. Но в поединках Хранитель лишь отражал удары, не стремясь ранить соперника. Во время финального испытания Учэнь получил тяжелейшие раны, но оружие отстоял.

Ци Ван явился в поместье не ради справедливости — его влекла лишь безграничная мощь реликвии. Год назад он хладнокровно прикончил бы монаха ради своей цели, но теперь, изменившись внутренне, отступился от задуманного.

Читая сценарий, Дуань Цунчжи ловил себя на странном ощущении. Роль главной героини казалась до неприличия блёклой.

Сначала она значилась невестой Учэня, затем вспыхнула чувствами к Ци Вану, а в финале история умалчивала, с кем же она осталась.

Сюэ Пин напутствовал актёра:

— На площадку уже прибыл Ху Сюйцзэ. Почаще общайся с ним. Если возникнут вопросы по роли, смело спрашивай.

Ху Сюйцзэ играл главную роль — того самого Ци Вана.

Дуань Цунчжи помнил, что вчера на съёмках появился новый человек для эпизодической роли младшего брата героини. Парень счёл его очередным смазливym айдолом вроде Нин

Хаосюаня, но, судя по словам менеджера, этот юноша был серьёзным драматическим актёром.

Отыграв с ним пару совместных сцен, Дуань Цунчжи мгновенно осознал: несмотря на юный возраст, этот парень превосходил мастерством всех на площадке, включая главную героиню и хвалёного Линь Ханя.

Его игра завораживала своей естественностью — ни фальши, ни натужности, полное слияние с персонажем. При этом выходил из образа он мгновенно: стоило режиссёру крикнуть «Снято!», как он тут же расслаблялся.

Для Дуань Цунчжи это были первые серьёзные драматические сцены, где одной красивой пластики не хватало. Озвучку планировали сделать на постпроизводстве, но вдохнуть жизнь в героя требовалось прямо сейчас. Чжао Цзин носил маску, и Цунчжи ошибочно полагал, что мимика не играет роли. Однако после нескольких неудачных дублей режиссёр Хуан раз за разом качал головой.

— Эмоции выражаются не только лицом! Твоё тело, взгляд... — Режиссёр вздохнул и мягко добавил: — Сяо Дуань, я требую от тебя многого, но ты постарайся прочувствовать персонажа. Подумай над этим.

Юноша кивнул. Он прекрасно понимал, в чём дело: на фоне безупречной игры Ху Сяйцзэ его собственные огрехи так и бросались в глаза.

Второй режиссёр, Ли Юйшэн, тоже дал совет:

— Будет свободная минута — порепетируй с Сяо Ху. Он дипломированный специалист, у него есть чему поучиться.

На самом деле Ху Сяйцзэ был на год младше Дуань Цунчжи. Сейчас он учился на втором курсе того же театрального вуза, что и Нин Хаосюань, но, поскольку прошёл обязательные военные сборы ещё в прошлом году, теперь мог спокойно сниматься, пока его сокурсник маршировал на плацу.

Мальчик рос в творческой семье: его отец слыл мэтром драматургии, а мать — известной театральной актрисой. Ху Сяйцзэ с малых лет не сходил со сцены и съёмочной площадки, а в шестнадцать лет, сыграв первую главную роль в кино, завоевал престижную премию «Киноимператор».

Дуань Цунчжи со вздохом подумал, что даже если бы он не попал в Поместье Цинь, а вырос на родной Восточной улице и сразу начал штурмовать кастинги, вряд ли превзошёл бы этого самородка.

— Сяо Дуань-гэ, — заговорил Ху Сяйцзэ, разбирая сцену, — Чжао Цзин ведь не просто

использует Цай Сяохуань. Они слишком долго были вместе, между ними должна чувствоваться близость. Сейчас, когда она рискует жизнью ради его спасения, в его груди обязано хоть что-то шевельнуться, даже если любви там нет. Интересно, как эту сцену решит сыграть Линь Хань... Думаю, сделает ставку на любовь — так банально проще. — Сюйцзэ ободряюще улыбнулся: — Но для тебя, Сяо Дуань-гэ, это, кажется, сложная задача?

Дуань Цунчжи досадовал на самого себя. Как, скажите на милость, передать бурю чувств одними лишь глазами, когда половина лица скрыта под пластиком?

— У тебя есть любимый человек? — вдруг спросил Ху Сюйцзэ.

— Попробуй представить на моём месте его.

Дуань Цунчжи на миг замер. Что-то в этой фразе прозвучало сомнительно. Однако, взглянув в ясные, чистые глаза коллеги, он решил, что просто усложняет.

Он заставил себя сосредоточиться. Попытался вызвать в памяти образ того единственного, кто заставлял его сердце биться чаще. Цинь Кэ. Представить, как тот внезапно появляется здесь, на съёмочной площадке...

Они не виделись уже целую вечность.

Задача оказалась непосильной. Цинь Кэ никогда бы не приехал в это захолустье, и вообразить его в декорациях древнего Китая не получалось. Нахмурившись, Дуань Цунчжи прикрыл глаза. Ладно, пойдём другим путём: вспомним то, что уже было.

В памяти всплыла палуба лайнера. Тёплые объятия Цинь Кэ и те загадочные слова, смысл которых тогда ускользнул. Но во сне они прозвучали пугающе отчётливо: «Это мой человек».

Даже сейчас, мысленно возвращаясь к тому моменту, он ощутил, как по телу разлилась сладкая истома. Дуань Цунчжи резко открыл глаза — прямо перед ним сидел сияющий Ху Сюйцзэ.

Улыбка удивительно красила юношу: левый уголок его губ приподнимался чуть выше правого, обнажая острый клык. Было в этом выражении что-то разбойничье и одновременно чертовски обаятельное.

Страхнув наваждение, Дуань Цунчжи непроизвольно выдохнул:

— Он никогда не улыбается.

Лицо собеседника на секунду окаменело. Только тут Дуань Цунчжи сообразил, что его слова

прозвучали в духе худших штампов о неверных возлюбленных.

— Прости, сорвалось, — поспешил он сгладить неловкость.

Ху Сюйцзэ понимающе отмахнулся:

— Ничего страшного. Наверное, я сам некорректно выразился. Тебе вовсе не нужно видеть во мне его. Главное — зафиксировать само ощущение. Вспомнить, как трепещет душа, когда ты смотришь на дорогого человека. В этой сцене Чжао Цзин любит, но вынужден сдерживать себя. Поскольку лицо закрыто, всю физическую скованность передавай через пластику тела, а вот взгляду, наоборот, дай волю. Пусть он сияет.

Дуань Цунчжи промолчал.

Вся эта актёрская философия казалась ему тёмным лесом. Решив больше не тревожить образ сурового Цинь Кэ, он переключился на кого-то попроще. Идеальным кандидатом стал Таньюань. Стоило представить, как пушистый самоед преданно виляет хвостом, высунув розовый язык, как губы Дуань Цунчжи сами собой расплылись в нежной улыбке, а взгляд потеплел.

Ху Сюйцзэ, разумеется, не догадывался о смене объекта обожания, но разительную перемену уловил сразу. Правда, новые эмоции показались ему несколько... специфическими.

— Ну... пожалуй, близко? — неуверенно произнёс он. — Запомни это выражение лица, только убавь восторженности. Сделай его чуть более сосредоточенным.

Дуань Цунчжи облегчённо выдохнул. Если уж придирчивый «Киноимператор» одобрил его потуги, то и режиссёр примет сцену без лишних вопросов.

Облокотившись на колени и подперев подбородок ладонями, Ху Сюйцзэ с лукавым прищуром поинтересовался:

— И о ком же ты думал, Сяо Дуань-гэ?

— О своей собаке.

Ху Сюйцзэ на мгновение лишился дара речи. Он так и не понял, шутит парень или говорит серьёзно. Вообще-то его интересовал тот, первый образ, заставивший Цунчжи помрачнеть, но непринуждённый тон собеседника напрочь отбивал желание лезть с расспросами. А вдруг тот загадочный возлюбленный и впрямь заслужил такое нелестное сравнение?